

2012/1 (7)

УДК 7.05: 67/68

Богатырёва Е. А.

Содержание

Теоретическая культурология

Шеманов А. Ю.

Другой как «неспособный»: социальный конструктивизм vs. медиализация

Разлогов К. Э.

Духовное возрождение — миф или реальность?

Историческая культурология

Кочеляева Н. А.

Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе

Скибинская О. Н.

Культурно-исторические основы исследования рода в провинциальной российской традиции

Прикладная культурология

Костина А. В.

Реклама как фактор формирования аксиологического пространства

Мамедов Ф.

Человеческий капитал: возможности культурологического подхода к анализу и оценке

*Румянцев М. В.**Лаптева М. А.**Зеленцова Е. В.**Мельвиль Е. Х.**Андреева С. В.*

Междисциплинарное исследование креативных индустрий и творческой экономики Красноярск

Фактор времени

в становлении культурных индустрий

Аннотация. Понятие «культурные индустрии» («креативные индустрии») анализируется в одном из его значений: как явление постиндустриального общества. Культурные индустрии возникают как результат поиска новых смыслов, форм смыслообразования и профессиональной самореализации. Поэтому становление креативных индустрий ориентировано в первую очередь на развитие человеческого капитала (рост производства предполагается как одно из следствий, а не как самоцель). Профессиональные исследовательские сообщества гуманитариев, деятельность которых разворачивается в сети Интернет, рассматриваются в качестве одного из вариантов развития культурных индустрий. Новые технологии коммуникации оказываются средством «институционализации» подобных сообществ. Курс на развитие культурных индустрий предполагает и формирует определённый культурный контекст, подразумевающий последствия для системы образования (ориентированность на формирование универсальности, развитие кругозора, интеллекта и т.д.)*.

Ключевые слова: культурные индустрии, креативные индустрии, теория культуры, постиндустриальное общество

Понятие «культурные индустрии» является чрезвычайно многозначным, широким по объёму и охватывает множество достаточно разнородных явлений. Речь идет скорее о тенденциях, которые еще не в полной мере развернулись. Для культурной теории это тот случай, когда она пытается прогнозировать вектор процессов, только обозначившихся, находящихся в стадии становления. Существуют перечни сфер деятельности, которые относят к культурным (креативным) индустриям [1], но в действительности область их определения может оказаться значительно более широкой, охватывающей не только «творческий сектор экономики», но инновационную деятельность вообще. В данном понятии обобщены представления, по крайней мере, о двух группах явлений.

Первая охватывает то, что традиционно связывалось с творческим трудом и творческими профессиями, которые определенным образом трансформируются в эпоху «технической воспроизводимости». Вторая группа включает в себя явления и черты, характеризующие особенности постиндустриальной стадии развития общества, то есть то, что связывают

Гуманитарные исследования

Большакова А. Ю.
Теория архетипа и концептология

Селезнева Е. Н.
Методы концептуализации стилей наследования в истории культуры

Богатырёва Е. А.
Фактор времени в становлении культурных индустрий

Вислова А. В.
Культурные индустрии и театр

Малая культурологическая энциклопедия

Иконникова С. Н.
Кондаков И. В.
Костина А. В.
Шапинская Е. Н.
Высокие стандарты ученого и гражданина, воплощенные в жизнь: памяти А. И. Шендрика

К 80-летию Российского института культурологии

Астафьева О. Н.
Разлогов К. Э.
Диалог накануне юбилея

Рецензии

Черносвитов П. Ю.
Цивилизационная идентичность в переходную эпоху

Васильев А. Г.
Современная историческая наука — культурологии
Рецензия на книгу Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»

Аванесова Г. А.
Культурологический дискурс в контексте современных социальных трансформаций

Научная жизнь

Зубов А. А.
Курова-Чернавина Н. С.
Энциклопедический текст на фоне

с экономикой постиндустриального общества. Под шапкой «культурные индустрии» эти разные явления позволяет объединить концепция, согласно которой движущими факторами в развитии экономики становятся не столько вещественные факторы, сколько идеи, информация. Причем, как это часто бывает, практика корректирует первоначальный замысел в сторону усложнения исходных посылок и способствует конвергенции теорий, в основе которых лежали, казалось бы, разные исходные положения.

Я остановлюсь только на одном значении понятия «культурные индустрии», характеризующем особенности постиндустриальных обществ и подразумевающим *использование творческих ресурсов, творческого потенциала, инновационного характера производственной деятельности в разрешении социально-экономических проблем*. Когда анализируют характерные для постиндустриальных обществ изменения в социально-экономической системе, то отмечают в качестве следствий, с одной стороны, изменения в структуре и характере труда, а именно *интеллектуализацию труда*. А с другой стороны, таким же следствием является *сокращение традиционных сфер занятости*. В итоге возникает кризис мотивационных оснований деятельности. Обозначившееся противоречие исторически, как я понимаю, оказывается отправной точкой для становления того, что называют сейчас «культурными индустриями». То есть представление о «культурных индустриях» формируется как определенная стратегия разрешения кризисной ситуации.

Более точное обозначение «отправной точки» названных процессов состоит в указании на *изменения в структуре общественного труда*. Речь идет о многообразных преобразованиях структуры общественного производства, обусловленных разными причинами (например, у нас они были связаны с переходом от планового типа экономики к рыночной; в западных странах одной из причин изменений в структуре общественного труда, на которую указывают практически все пишущие на эту тему, стал перенос промышленного производства из более богатых стран в развивающиеся в экономическом отношении страны). Оставим за скобками нашего рассмотрения все причины рассматриваемых изменений (оставим их анализ экономистам), отметим только некоторые социокультурные последствия: указанное выше и характерное для всех сокращение традиционных сфер занятости (в результате чего возникает несоответствие между приобретенными и востребованными трудовыми навыками). Отметим тенденцию к интеллектуализации труда при недостаточном количестве соответствующих предложений на рынке труда. Последствия всех этих трансформаций сказались на изменении занятости, допускающем при сокращении рабочих мест трудовую деятельность не по специальности и в соответствии с другим (как правило, более низким) уровнем квалификации. Последствия сказались также на формировании новых условий развития социально-экономической системы, в которой довольно быстро закрепилась новая шкала потребностей (как материальных, так и духовных) и новые критерии их актуализации, соответствующие установкам общества потребления.

И вот в такой ситуации востребованность культурных (творческих) индустрий возникает как результат поиска новых смыслов, новых форм смыслообразования и новых форм *профессиональной самореализации*. Новый момент, который дает о себе знать в последние десятилетия XX в. и который свидетельствует о том, что речь идет именно о стремлении к самореализации посредством производства новых смыслов, — это

Коваленко Т. В.

О создании Южного филиала
Российского института
культурологии

функциональная несводимость профессиональной деятельности к получению дохода от труда. По крайней мере, материальное вознаграждение представляет собой далеко не единственный и не основной мотив трудовой деятельности. Возрастающее значение потребности человека в самореализации и *общественном признании*, которые вселили бы уверенность в его востребованности, делает очевидным то обстоятельство, что профессиональная деятельность для современного человека является *ценностью*, и что связана она с проблемой *самоидентификации*. Как основание для самоидентификации индивида рассматривают профессиональную деятельность социологи. По словам известного немецкого социолога и философа У. Бека, профессиональная принадлежность становится «идентификационным шаблоном» [2]. Этот же автор указывает и на распространившуюся в последние годы тенденцию к переходу от «стандартизированной занятости» к неформальным формам труда и к новым формам «многообразной неполной занятости».

Если же трудовая деятельность, которой человек занят большую часть своего времени, рассматривается лишь как средство получения дохода и тем более только как средство выживания, ее результат и последствия не замедлят сказаться на соответствующих параметрах жизненного мира, на общем культурном фоне, что приведет в итоге к возрастанию «депрессивности» среды, увеличению уровня агрессии и, в конечном счете, к нарушению равновесия культурной системы и ее деградации. Все это следует иметь в виду, намечая сокращения «неэффективных», на первый взгляд, культурных институций, поскольку в итоге изменяется среда, ее интеллектуальный слой и возникает не слишком благоприятный фон для проявления творческой инициативы и поисков выхода из кризисных ситуаций.

Творческий труд, как это ни хрестоматийно прозвучит, остается сущностным свойством человека, его родовым определением, и в процессе производства создается не только продукт, но и сам субъект. А в качестве инструментария в постиндустриальную эпоху выступают *новые коммуникационные технологии*, в том числе — *цифровые*. Поэтому культурные индустрии превращаются в средство гармонизации отношений между потребностями рынка труда, общественными потребностями, с одной стороны, и потребностью человека в самореализации — с другой. Причем с усложнением структуры общественного производства указанное расхождение увеличивается и возникает необходимость в таком «посреднике», функция которого состояла бы в компенсации, преодолении обозначившегося разрыва. Культурные индустрии как формы самоорганизации возникают не вместо каких-либо других сфер деятельности, не замещая или вытесняя их, а наряду с ними, по принципу дополнительности. Они берут на себя роль своего рода механизма ручного управления в ситуации, когда изменения в структуре занятости приводят к ее резкому сокращению, к тому, что значительные слои трудоспособного населения оказываются не в состоянии применить свои способности в рамках сложившейся структуры общественной организации труда. И речь не обязательно идет о безработице в прямом смысле слова — существующие формы занятости могут являться средством извлечения дохода, но не способствовать профессиональной самореализации и осуществлению творческого потенциала человека. Поэтому возникают и будут распространяться «факультативные» виды трудовой деятельности, предоставляющие шанс такую возможность реализовать. Возрастание их роли особенно характерно для постиндустриального общества. Сошлюсь также на

анализ концепции «постэкономического общества» в работах В. Л. Иноземцева, отметившего становление предпосылок к переходу от «труда как утилитарной активности» к творческой деятельности, «не мотивированной непосредственно материальными факторами» [3].

В чем проявляется роль *фактора времени* в процессе становления культурных индустрий? В том, например, что их распространение происходит в ситуации, в которой если и не стирается, то, по крайней мере, размывается грань между досугом и рабочим временем. Сферы деятельности, о которых идет речь, возникают на границе или на периферии существующей структуры общественного производства, ее основных отраслей. И что особенно важно, на границе прежде четко очерченных сфер рабочего и свободного времени. Возникают либо новые сферы производства, либо уже сложившиеся отрасли обретают *новые культурные функции*. В качестве иницилирующих эти новые виды деятельности субъектов зачастую выступают те, кто оказался на периферии этой самой сложившейся структуры общественного производства, те, кому по какой-либо причине не удалось (может быть, временно) в эту сложившуюся структуру вписаться [4]. Речь идет не столько об отсутствии постоянной занятости, сколько о распространенной ситуации, когда трудовая деятельность не способствует осуществлению творческого потенциала. Поиск новых форм профессиональной самореализации может иметь отношение к самым разным субъектам и социальным группам, которым не удалось в тот или иной момент найти себе применение в существующей экономической системе, в существующей системе организации труда.

В качестве примера можно вспомнить ситуацию с миграцией начала XX в. Например, российская эмиграция «первой волны» (которая была далеко не первой) отличалась от более ранних эмиграционных потоков конца XIX — начала XX в., помимо прочего, еще и тем, что представители более ранней эмиграции (беднейшие слои, прежде всего, крестьяне) преимущественно *встраивались* в ту систему общественного производства, которая существовала в стране прибытия. Не случайно география эмиграции рубежа XIX–XX вв. — это страны Нового Света, где, как считалось, могли найти применение рабочие руки. Совсем другую ситуацию застали эмигранты «первой волны» (под которыми, как правило, имеют в виду выходцев из социальных слоев с более высоким статусом и уровнем образования), которые в начале 20-х гг. XX в. оказались в европейских странах, где вписаться в давно оформившуюся социально-экономическую структуру, как известно, удалось немногим (по крайней мере, в первом поколении) [5].

Оказавшись за пределами социально-экономической структуры в стране прибытия, они в результате стали осваивать тот способ совместной деятельности, который позволил данному сообществу адаптироваться и найти свою «нишу» в новом обществе. Речь идет не об открытии новых видов деятельности, а скорее о новых культурных функциях уже существовавших отраслей. В частности, об осознании *феномена свободного времени*, о расширении функций сферы услуг в смысле придания ей эстетико-культурной значимости [6]. Если подобрать общий знаменатель для различных видов занятости, распространенных в среде русской иммиграции (при всей условности подобного обобщения к таким сферам деятельности можно отнести ресторанное дело, создание домов моды, ювелирных лавок, косметических фирм, многообразные виды деятельности в сфере искусства, такие как русские оперные и балетные труппы, кинематограф, объединения художников, литераторов и т.д. [7]), то условным общим знаменателем для этих разных сфер становится

феномен свободного времени. Во-первых, указанные виды деятельности ориентированы на придание дополнительных функций сфере услуг, которая уже не просто занимает часть внерабочего времени, представляя собой область «непреложных временных затрат, относящихся к внеуродовой сфере» [8], но и обеспечивает удовлетворение культурных, коммуникативных и эстетических потребностей человека. В XX в. эта тенденция к расширению функций сферы услуг в смысле придания ей дополнительной культурно-эстетической значимости станет преобладающей. Во-вторых, каждый из перечисленных видов деятельности соответствует, по крайней мере, такой основной функции свободного времени, как «восстановление сил человека», или функции «духовного (культурного, эстетического и т.п.)... развития личности» [9]. Вектор деятельности эмигрантов первой волны, как оказалось, во многом совпал с тенденцией культуры XX в., одной из характерных черт которой явилось расширение сферы свободного времени и разрастание рынка услуг по его заполнению.

Понятие «культурные индустрии» фиксирует скорее становление нового *института*: новыми представляются не столько отдельные виды деятельности, подпадающие под данное определение, сколько их социокультурные функции. Культурные индустрии можно назвать попыткой институционализации явлений, которые не вписывались в наметившуюся структуру социальных отношений, но приобрели за счет нового интегративного качества новые культурные функции.

Даже в тех случаях, когда речь идет о современном искусстве как составляющей культурных индустрий, можно констатировать обретение им некоторой новой роли, тем более что искусство в последние десятилетия XX в. переживало период кризиса, связанный именно с кризисом его социокультурных функций. Изменения, затронувшие художественную сферу в последние десятилетия XX в., являлись не признаками стилевых изменений, а свидетельством изменения способов его функционирования в социокультурном контексте. Симптоматично, что в различных историко-философских и культурологических исследованиях нововременное искусство и его институты рассматриваются в качестве признаков общества определенного типа и характеризуются сквозь призму их функций в социальном контексте. А трансформации художественной сферы (то есть изменения, затрагивающие искусство и его институты) как бы по умолчанию рассматриваются в качестве индикаторов социокультурных изменений. В XX в., точнее, в последней трети XIX в. эта общественная функция была переосмыслена. А в составе культурных индустрий современное искусство обретает еще одну интерпретацию своей социокультурной роли в смысле потенциала модернизации культурной среды, культурного фона, жизненного мира.

Поиски новых возможностей профессиональной самореализации для современного человека связаны с новыми формами коммуникации и с новыми технологиями коммуникации. Один из примеров использования цифровых информационных технологий в подобной ситуации демонстрирует появление неинституциональных (если иметь в виду традиционные институты) сфер профессиональной деятельности, использующих возможности сети Интернет. Речь идет о профессиональных сообществах, в частности, исследовательских сообществах, объединяющих, прежде всего, гуманитариев и людей творческих профессий, для которых конъюнктура на рынке труда в последние годы остается не особенно благоприятной. Так один из вариантов осуществления профессиональной деятельности, которая, по определению, связана с представлением о самореализации и об общественном признании, воплощается в форме

своего рода деятельности по интересам. Тем самым преодолевается грань между ранее четко разграниченными сферами рабочего и свободного времени.

К подобным сообществам можно отнести целые научно-исследовательские центры и исследовательские группы, чья деятельность разворачивается в сети Интернет и посвящена культурным исследованиям. Участники таких неинституциональных профессиональных сообществ могут иметь определенный статус и постоянное место работы, являясь представителями различных университетов, институтов и иных организаций, а могут быть и независимыми исследователями – то есть отсутствие определенного места службы вполне допускается. Подобные неинституциональные профессиональные сообщества находятся в процессе становления и прогнозировать перспективы их деятельности довольно сложно. Вполне возможно, что на их основе будут кристаллизоваться новые научные дисциплины и направления исследований, а также новые институции. Поддержка их деятельности может осуществляться посредством стипендий и грантов научных фондов. Что касается новых (цифровых) технологий коммуникации, то они оказываются своего рода средством институционализации подобных сообществ.

Более определенными представляются культурные последствия дальнейшего развития данных тенденций. Например, изменение представлений об успешности и престиже, которые ранее связывались исключительно с наличием определенного места службы, с профессиональной принадлежностью к какой-либо институции и с определенным статусом в ее пределах. То есть институциональные структуры перестают быть единственной сферой, связанной с успехом и общественным признанием. Тенденцией становится и восприятие коммуникации не просто как средства в процессе совместной деятельности, а как цели (на что указывает современная философия и теории коммуникации).

Еще один известный пример того, как культурные индустрии формируют определенную культурную среду и влияют на повседневную культуру, способствуя тем самым изменению моделей поведения. Речь идет о тех видах деятельности, которые чаще всего упоминают, когда речь заходит о культурных индустриях. А именно о курсе на активизацию развития ремесел и художественных промыслов в ситуации перебазирования массового производства в развивающиеся в экономическом отношении страны. То есть замысел, предполагающий культивирование этих видов деятельности, состоял не в деиндустриализации, а в том, что ручной труд (в смысле «штучный», творческий) в перспективе замещает (не вытесняет, конечно, полностью) машинный и фабричный. Причем само это преобразование влечет за собой последствия, предполагающие изменения определенных культурных параметров, изменение характера потребностей: переход от массовизации, массового потребления к формированию индивидуального спроса. Культурные индустрии формируют новую культурную среду, располагая потенциалом преобразования повседневной культуры и способствуя модификации определенных моделей поведения.

Как все это характеризует культурные индустрии? О чем свидетельствует становление обозначившихся сфер деятельности, и каковы их собственно культурные последствия?

Важно зафиксировать то обстоятельство, что от культурных индустрий следовало бы не только ожидать увеличения темпов роста производства

и обсуждать, «каков рост прироста» (как выразилась героиня известного голливудского фильма [10]), а, скорее, следует рассматривать в связи с развитием человеческого капитала. *Становление культурных индустрий ориентировано, в первую очередь, на развитие человеческого капитала* (рост производства предполагается как следствие, но не как самоцель).

Субъекты культурных индустрий — это не только люди так называемых творческих профессий. И вообще речь идет не об определенных профессиях, а скорее об определенных *подходах* к трудовой деятельности, об определенном качестве человеческой деятельности. Поэтому курс на развитие культурных индустрий предполагает и формирует определенный *культурный контекст*. Этот контекст подразумевает, в частности, определенные последствия для системы *образования*, а именно ориентированность на те принципы образования, которые формируют универсальность, способствуют развитию кругозора, интеллекта (а не только ориентированы на обучение определенным умениям и навыкам в узком смысле этих слов).

Важнейшее следствие распространения культурных индустрий касается их потенциала в деле преобразования культурной среды, формирования приоритетов, моделей поведения в соответствии с рассмотренными выше установками. Создание отдельных творческих районов-«запруд» является, конечно, положительным примером, но для нас особенно актуальными были бы опыты преобразования городской (и не только) среды, путем *расширения влияния* таких творческих пространств.

Что касается структуры общественной организации труда, то более предпочтительным и создающим предпосылки для функционирования творческих индустрий представляется скорее распространение различных форм частичной занятости (хотя и приводящее к потере в заработной плате, но позволяющее обеспечить рабочими местами большее количество человек), нежели кажущееся более рациональным сокращение штата сотрудников с увеличением доходов, оставшихся за счет «сокращенных». Те формы материальной компенсации, которые способны обеспечить современное социальное государство, являются важным фактором поддержки и социальной защиты населения, но все же они не позволяют разрешить возникающие противоречия и устранить диспропорции, поскольку оставляют за скобками потребность человека в самореализации, в общественном признании и востребованности. Трудовая деятельность не может быть только средством извлечения дохода и тем более средством выживания, так же как депрессивные районы не способствуют пробуждению творческой активности.

В понятии культурных индустрий находит отражение представление о новых процессах мотивации деятельности, о новых (социокультурных) импульсах экономического развития и вообще о новой интерпретации понятия целерационального поведения. Поэтому феномен культурных индустрий заставляет переосмыслить, в частности, такое понятие, как «эффективность». Прежде, чем преобразовывать (а попросту — сокращать) в целях кажущейся эффективности какие-либо функционирующие культурные и научные институции, следует задуматься, не придется ли потом долго изыскивать средства, чтобы хоть как-то компенсировать ущерб, нанесенный равновесию культурной системы, и не придется ли потом предотвращать ее деградацию.

* Настоящая статья подготовлена по материалам выступления на

Международной научной конференции «Культурные индустрии в Российской Федерации в контексте мировых тенденций», прошедшей 17–18 октября 2011 г. в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] См., например: *Гнедовский М.* Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. 2005. № 4 (24)
- [2] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 203.
- [3] См.: *Иноземцев В. Л.* Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты ... автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1998.
- [4] Сошлюсь на аналогичный пример: «Популярная культура США была специфической разновидностью европейской культуры, той ее части, которая не могла свободно развиваться “дома” под давлением аристократии и интеллектуальных элит» (*Разлогов К. Э.* Геополитика культуры // Разлогов К. Э. Не только о кино. М., 2009. С. 184).
- [5] См., например: *Культура Российского Зарубежья.* М., 1995; *Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы.* М., 2001.
- [6] См.: *Богатырёва Е. А.* Структура времени в эмиграции // Судьба европейского проекта времени М., 2009.
- [7] См., например: *Васильев А.* Красота в изгнании. М., 1998; *Ильина Н. И.* Дороги и судьбы: автобиографическая проза. М., 1985. Особенно много свидетельств о видах занятости, распространенных в среде эмигрантов «первой волны», зафиксировано в форме телеинтервью, в рассказах участников и свидетелей событий тех лет (напр., в интервью с А. Баяновой), а также в цикле телепередач А. Васильева «Дуновение века», демонстрировавшихся телеканалом «Культура».
- [8] *Грушин Б. А.* Свободное время // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 3.
- [9] Там же.
- [10] «Как украсть миллион» (США, 1966 г., реж. Уильям Уайлер).

© Богатырёва Е. А., 2012

Статья поступила в редакцию 28 октября 2011 г.

Богатырёва Елена Анатольевна,
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Сектора философских проблем культуры,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: bogatyreva@ricur.ru

The Time Factor in the Development of Creative Industries

Abstract. The author examines one aspect of the “cultural industries” (“creative industries”) concept, i.e. they are tackled as a phenomenon of the post-industrial society. Cultural industries emerged in the search for new meanings, and new forms of professional self-fulfilment. That is why creative industries establishment was oriented towards human capital development while general increase in production was regarded as an outcome but not an end in itself. A possibility to consider academic communities that belong to the Humanities and develop their activities in the Internet as a form of creative industries development is proposed. The new communication technologies function as a means of those communities’ institutionalisation. The development of cultural industries presupposes and shapes particular cultural contexts that influence educational systems while producing demand for the omnitude, broader outlook, etc.

Key words: creative industries, cultural industries, theory of culture, post-industrial society

Bogatyreva Elena Anatolievna,

Doctor in Philosophy, Leading Researcher
of the Department for Philosophical Issues of Culture
at the Russian Institute for Cultural Research (Moscow)
e-mail: bogatyreva@ricur.ru